

2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К.: Астрал, 1997. – 310 с.
3. Бехта І. Дискурс наратора в англомовній прозі. – К.: Грамота, 2004. – 304 с.
4. Белехова Л.І. Словесно-поетичний образ в історико-типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі американської поезії). – Херсон: Атлант, 2000. – 368 с.
5. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
6. Воробьева О.Н. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993. – 200 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
8. Гак В.Г. Языковое преобразование – М.: Языки русской культуры. – 1998. – 763 с.
9. Жаботинская С.А. Когнитивные и номинативные аспекты класса числительных (на материале современного английского языка). – М.: Наука, 1992.
10. Зорівчак Р. Боліти болем слова нашого...-Львів: Львівський національний університет ім. Івана Франка, 2005. – 294 с.
11. Каменская О.Л. Текст коммуникации. – М.: ВШ, 1990. – 151 с.
12. Карабан В.Н. Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. – Киев: Вища школа, 1989. – 132 с.
13. Карасик В. Н. Язык социального статуса. – М.: Наука, 1980. – 329 с.
14. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
15. Кобякова И.К. Функции языка в отношении к мышлению //Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. - №3 (36), 2002. – С. 41-47.
16. Кагановська О.М. Текстові концепції художньої прози (на матеріалі французької романістики середини ХХ сторіччя). – К.: КНЛУ, 2002. – 292 с.
17. Корунець І.В. Теорія і практика перекладу (аспектний переклад). – Вінниця: Нова книга, 2001. – 448 с.
18. Кочерган М.Н. Загальне мовознавство. – К.: Академія, 2003. – 463 с.
19. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
20. Лихачев Д.С. Текстология. – СПб.: Алетенія, 2001. – 759 с.
21. Мірошніченко В.В. Авторська концепція художнього твору: онтогенезис і експансія (на матеріалі англомовної та французької україністики): Монографія. – Запоріжжя: ЗУ. – 2003. – 383 с.
22. Піхтовнікова Л.С. Синергія стилю байки (німецька віршована байка ХІІІ – ХХ ст.). – Харків: Бізнес-Інформ, 1999. – 220 с.
23. Приходько А.Н. Синтаксис естественного языка в фокусе когнитивно-коммуникативной парадигмы // Вісник Харківського нац.ун-та ім. В.Н.Каразіна. - №609. – Харків: Константа, 2003. – С.84-89.
24. Радчук В.Д. Перекладацька проба // Вісник СумДУ. Серія Філологічні науки, 2004. - №4(63). – С.149-154.
25. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
26. Черноватий Л.М. Особливості навчальних матеріалів для підготовки перекладачів // Вісник СумДУ. – 2002. – №4(37). – С.184-188.
27. Шевченко И.С. Историческая динамика предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.
28. Швачко С.О. Навчити вчитися!: Посібник. – Вінниця: Нова книга, 2006. – 133 с.
29. Швачко С.О., Кобякова І.К. Вступ до мовознавства: Посібник. – Вінниця: Фоліант, 2005. – 221 с.
30. Швачко С.О., Кобякова І.К. Нові технології вивчення квантитативних одиниць англійської мови // 36. Актуальні проблеми романо-германської філології в Україні та Болонський процес: Матеріали міжнародної наукової конференції (24-25 листопада 2004 р.) – Чернівці: Рута, 2004. – С.297-298.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ірина Кобякова – кандидат філологічних наук, доцент, зав. кафедри германської філології Сумського державного університету

Наукові інтереси: мовознавство, текстологія, дискурсологія.

ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ

Наталья КУДРЯВЦЕВА (Херсон, Украина)

У статті розглянуто гіпотезу лінгвальної відносності Сепіра – Уорфа стосовно проблеми перекладності. Проаналізовано статус гіпотези як однієї з засад концепції неперекладності, а також виявлено труднощі перекладу, пов'язані з існуванням різних мовних картин світу.

The paper investigates Sapir – Whorf's hypothesis of linguistic relativity in reference to the problem of translatability. The status of the hypothesis as one of the grounds of the conception of untranslatability is analyzed and the difficulties of translation provoked by different language pictures of the world are manifested.

В современной теории перевода взгляды на проблему переводимости представлены в виде трех концепций: концепции полной переводимости, концепции неполной переводимости и концепции непереводимости [6: 112-121]. Как можно заключить из их названий, сторонники концепции полной переводимости выдвигают положение о принципиальной возможности перевода применительно к любым двум языкам; приверженцы концепции неполной, или ограниченной, переводимости, в свою очередь, признают относительный характер переводимости, опираясь в числе прочих на утверждение о частичной передаче информации в процессе коммуникации. Концепция непереводимости, соответственно, воплощает воззрение на перевод как на неразрешимую задачу, провозглашая тезис о принципиальной невозможности перевода.

На наш взгляд, именно эта последняя концепция, дающая отрицательный ответ на один из ключевых вопросов переводоведения, является наиболее спорной, но в то же время вызывает и наибольший интерес. Действительно, кажется сомнительным столь категоричное отрицание возможности перевода, когда, пусть и с ограничениями, но переводы все-таки осуществляются, что уже само по себе противоречит тезису о принципиальной непереводаемости. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть этот вопрос, исследовав основания концепции непереводаемости, одним из которых выступает гипотеза лингвистической относительности.

Гипотеза лингвистической относительности, известная также как гипотеза Сепира – Уорфа, представляет собой утверждение о том, что существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является. Отстаивая идею о внутреннем единстве языка и мышления, американский лингвист Эдвард Сепир приходит к выводу о том, что «мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [7: 131]. Развивая идеи Э. Сепира и основываясь на изучении «экзотических» языков индейцев Северной Америки, Бенджамин Уорф формулирует принцип лингвистической относительности в виде следующих двух положений: 1) наши представления (например, времени и пространства) неодинаковы для всех людей, а обусловлены категориями данного языка; 2) существует связь между нормами культуры и структурой языка [9: 164]. А поэтому «формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других – весьма значительно, так же, как грамматический строй соответствующих языков» [10: 209].

Исходя из соображений Э. Сепира и Б. Уорфа, можно сделать вывод, что особенности каждого конкретного языка структурируют мышление конкретного сообщества людей, пользующихся этим языком в процессе общения, в результате чего мысль, выраженная средствами одного языка, в принципе не может быть адекватно передана средствами другого языка. Принятие подобной перспективы в рассмотрении вопроса о соотношении языка и мышления подталкивает американских лингвистов к логическому заключению о невозможности перевода [6: 115].

Гипотеза лингвистической относительности стала предметом изучения многих российских и украинских лингвистов, а также специалистов по переводоведению. Среди них П.В. Чесноков, В.А. Звезгинцев, А.Е. Кибрик, В.П. Даниленко, И.Е. Подолян и др. [11; 2; 3; 1; 5]. Лингвистическая относительность представляет собой центральное понятие этнолингвистики, изучающей язык в его взаимоотношении с культурой. Релятивизм в лингвистике трансформировался в предположение о том, что чувственное восприятие действительности определяется ментальными представлениями человека, которые находятся и могут изменяться под влиянием языковых и культурных систем. Поскольку в конкретном языке и, шире, в конкретной культуре, концентрируется исторический опыт их носителей, ментальные представления носителей различных языков могут и не совпадать.

Отсюда вытекает положение о том, что разные языки по-разному членят, т.е. концептуализируют, внеязыковую реальность. Хрестоматийными в данном случае являются примеры наличия в английском языке слова «hand» («рука ниже запястья», «кисть»), используемого в таких выражениях как «to shake hands» («пожать руку») и «to take by hand» («взять за руку»), и слова «arm» («рука выше запястья» или «рука от пальцев до плеча»), используемого в выражениях типа «arm in arm» («рука об руку») и «to take in one's arms» («взять на руки») в противоположность универсальному русскому слову «рука», а также наличие в русском двух отдельных слов «синий» и «голубой» в противоположность единственному английскому «blue».

Представление о том, что для одного и того же фрагмента действительности естественные языки могут предоставить несколько адекватных, но несовпадающих концептуальных схем, было сформулировано еще в начале XIX в. В. фон Гумбольдтом,

взгляды которого на перевод как на «невыполнимую задачу» послужили источником и предпосылкой развития рассматриваемой нами гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа. «Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности», – утверждает Э. Сепир [7: 131]. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком», – продолжает его мысль Б. Уорф [10: 209].

В разные периоды истории лингвистики проблемы различий в языковой концептуализации мира ставились, в первую очередь, в связи с частными теоретическими и практическими задачами перевода с одного языка на другой, а также в рамках философской и филологической герменевтики. Принципиальная возможность перевода с одного языка на другой базируется на предположении о том, что существует некоторая система представлений, универсальных для носителей всех человеческих языков и культур или, по крайней мере, разделяемая носителями той пары языков, с которого и на который осуществляется перевод. Чем ближе языковые и культурные системы, тем больше шансов адекватно передать на языке перевода то, что было уложено в концептуальные схемы языка оригинала. И наоборот, существенные культурные и языковые различия позволяют увидеть, в каких случаях выбор языкового выражения определяется не столько объективными свойствами обозначаемой ими внеязыковой действительности, сколько рамками внутриязыковой конвенции; именно такие случаи не поддаются или плохо поддаются переводу.

Представление о различной концептуализации внеязыковой реальности в разных языках составляет основу «главного детища» авторов гипотезы лингвистической относительности – понятия языковой картины мира [1]. Термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) принадлежит Лео Вайсгерберу, который утверждал, что из предпосылок реального мира и человеческого духа язык образует мыслительный промежуточный мир, который, являясь результатом сознательного человеческого действия, воспринимается как единственная картина мира, доступная говорящим на данном языке [11: 11]. Однако не вызывает сомнений тот факт, что понятие языковой картины мира сложилось именно в результате исследований Э. Сепира и Б. Уорфа. Так, оно отчетливо проступает в следующем отрывке из работы Э. Сепира «Грамматист и его язык» (1924): «Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой. Окружающий мир, подлежащий выражению посредством языка, один и тот же для любого языка; мир точек пространства один и тот же для любой системы отсчета. Однако формальные способы обозначения того или иного элемента опыта, равно как и той или иной точки пространства, столь различны, что возникающее на их основе ощущение ориентации не может быть тождественно ни для произвольной пары языков, ни для произвольной пары систем отсчета» [8: 145-146].

Таким образом, можно согласиться с мнением П. Чеснокова, что авторы гипотезы лингвистической относительности, подобно Канту, признают существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его сферу чувственного восприятия действительности, но результатом этого воздействия признается не стройная, целостная картина отраженного мира, а хаотический набор опытных данных о механической совокупности разрозненных явлений [11: 20]. Упорядочивание этих чувственных данных происходит в силу творческой активности языка, вследствие чего конструируется мир как связанное целое. Так, целостная картина мира являет собой продукт человеческого сознания, созданный им при помощи языка, который (продукт) не обязательно есть точным отражением объективной реальности.

Здесь, однако, следует принять во внимание замечание Л. Макеевой, которая указывает на важное отличие гипотезы Сепира – Уорфа от кантовского подхода: у И. Канта априорные формы чувственного созерцания и категории рассудка, налагающие определенную структуру на мир, являются универсальными для всего человечества, тогда как Э. Сепир и Б. Уорф подчеркивают множественность упорядочивающих мир лингвистических структур [4: 15]. Таким образом, различные языки создают разные миры. В данном случае главенствующей функцией языка признается его *репрезентативная* функция. Под репрезентативной функцией языка понимается

то, что язык позволяет нам говорить о внелингвистической «реальности», описывать вещи и положения дел в мире [4: 15].

Свои общетеоретические выводы о различной концептуализации действительности в разных языках авторы гипотезы лингвистической относительности делают на основании реальных языковых фактов, которые представляют собой случаи так называемого семантического расхождения между языками. Когда лексическим единицам и грамматическим формам одного языка, имеющим вполне определенное значение, в другом языке соответствуют слова и грамматические формы с отличающимся содержанием, и нет лексических единиц и грамматических форм с таким же значением, имеют место случаи семантического расхождения между этими двумя языками; иногда же семантическое взаимосоответствие между разными языками вообще не может быть установлено.

Инструментом концептуализации по Б. Уорфу являются не только выделяемые в тексте формальные единицы – лексические единицы и грамматические формы – но и избирательность языковых правил, т.е. то, как те или иные единицы могут сочетаться между собой, какой класс единиц возможен в той или иной грамматической конструкции и т.д. На этом основании Б. Уорф предложил различать открытые и скрытые грамматические категории: одно то же значение может в одном языке выражаться регулярно с помощью фиксированного набора грамматических показателей, т.е. быть представленным открытой грамматической категорией, а в другом языке обнаруживаться лишь косвенно, по наличию тех или иных запретов, и в этом случае, как считает Б. Уорф, можно говорить о скрытой категории. Так, в английском языке категория определенности/неопределенности существительного является открытой и выражается с помощью определенного или неопределенного артикля, употребленного с этим существительным. Можно рассматривать наличие артикля и, соответственно, наличие открытой категории определенности в языке как свидетельство того, что представление об определенности является важным элементом картины мира для носителей данного языка. Однако неверно было бы полагать, что отсутствие данной категории в другом, так сказать «неартиклевым», языке может препятствовать осуществлению перевода на «артиклевым» язык. Так, русское предложение «Женщина вошла в комнату» следует перевести на английский как «*The woman came into the room*», так как именно начальная безударная позиция, занимаемая существительным «женщина» в этом предложении, свидетельствует о необходимости употребления определенного артикля в его английском эквиваленте. В то же время русское предложение «В комнату вошла женщина» может быть передано в английском языке двумя способами: «*The woman came into the room*» и «*A woman came into the room*», так как в русском языке существительное в конечной ударной позиции может быть понято как определенное, и как неопределенное. Соответственно, в переводе данного предложения на «артиклевым» язык определяющее значение будет иметь контекст.

П. Чесноков справедливо отмечает, что от случаев семантического расхождения между языками следует отличать случаи, когда различие касается лишь лексических объемов слов. Такое различие состоит в том, что в одном языке какое-либо слово в силу его многозначности выражает несколько понятий, а соответствующее слово другого языка воспроизводит только одно понятие (или меньшее количество понятий), так как другие понятия воссоздаются иными словами [11: 32]. К примеру, русское слово «дерево» обозначает как растение, так и материал, т.е. древесину, из которого производят различные деревянные предметы. В английском языке первое значение этого слова (растение) передается словом «*trees*», в то время как для передачи второго значения (материал) необходимо использовать совершенно иное слово «*wood*». Очевидно, что такое различие в лексических объемах слов не может рассматриваться как случай различной языковой концептуализации действительности в сконструированной картине мира и, соответственно, не может свидетельствовать в пользу концепции непереводаемости.

Умение выявлять случаи семантического расхождения между языками важно для переводчика как в теоретическом, так и в практическом отношении. Имея дело с несколькими, по меньшей мере, с двумя языками, переводчик должен быть способен преодолевать существующие между ними семантические различия, что невозможно без

знания самих различий. Выявление авторами гипотезы лингвистической относительности семантического расхождения между языками вследствие исследования ими смысловой стороны языка можно определенно считать результатом, имеющим большое значение для теории и практики перевода.

Однако можно ли считать рассматриваемую нами гипотезу лингвистической относительности достаточным основанием для утверждения о невозможности перевода? Трудно отрицать ту важную роль, которую язык играет в концептуализации внеязыковой реальности, однако признавать эту роль главенствующей в процессе нашего восприятия действительности, на наш взгляд, было бы ошибочно. Познавательная деятельность человека может осуществляться и без помощи языка, в частности через непосредственное наблюдение, результаты которого могут быть в дальнейшем описаны посредством языковых форм. К тому же, для носителей разных языков реальная действительность в принципе едина и, следовательно, более или менее полно отражается во всех языках.

По нашему мнению, скорее следует говорить о наличии определенных трудностей, обусловленных существованием различных языковых картин мира, нежели о принципиальной непереводаемости с одного языка на другой. Можно согласиться с мнением У. Куайна, что в условиях «радикально» различающихся языков перевод с одного языка на другой всегда является неопределенным. Это означает, что возможны альтернативные схемы перевода, не совместимые друг с другом, но в равной мере совместимые с вербальным поведением носителей языка, с которого осуществляется перевод [цит. по 4: 19]. Прагматические категории, т.е. такие, правильное употребление которых подчиняется конкретным условиям речевого общения, могут по-разному встраиваться в языковую систему. Например, в русском языке при обращении к собеседнику возможны две формы вежливости «Вы» и «ты», выбор которых осуществляется в соответствии с социальным положением говорящих. В английском языке такое различие вообще отсутствует, так как в нем существует единственная форма множественного числа «you». В японском языке, в отличие от русского, в котором противопоставление «Вы» и «ты» имеет гораздо более частный характер и не представляет особой трудности при переводе, специальные грамматические формы вежливости имеют даже глаголы, и чтобы правильно их употребить, нужно знать, каково относительное положение собеседников в социальной иерархии. Эта грамматическая категория является обязательной, т.е. каждый глагол должен быть оформлен либо как «нейтральный», либо как «скромный», либо как «почтительный». Осознание говорящими такого рода различий происходит носителями разных языков по-своему и тем самым подчиняется принципу лингвистической относительности. Таким образом становится очевидным то, как указанная У. Куайном неопределенность перевода возрастает по мере нарастания различий между двумя языками.

Выдвинутая более шестидесяти лет назад, гипотеза лингвистической относительности и поныне сохраняет статус именно гипотезы. Ее сторонники нередко утверждают, что она ни в каких доказательствах не нуждается, ибо зафиксированное в ней утверждение является очевидным фактом; противники же склонны полагать, что она не может быть ни доказана, ни опровергнута. На наш взгляд, истинное значение гипотезы лингвистической относительности для переводоведения открывается в выработанном ее авторами понятии языковой картины мира, а также в результатах, достигнутых ими при изучении смысловой стороны языка. Что же касается статуса рассматриваемой гипотезы как основания концепции непереводаемости, проведенное исследование позволяет нам утверждать, что подобная характеристика данной гипотезы не может быть признана удовлетворительной, а сама концепция, равно как и ее основания, должна быть пересмотрена.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Даниленко В.П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира – Уорфа // [Электронный ресурс]. Режим доступа к журн.: <http://www.islu.ru/danilenko/articles.htm>
2. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1.
3. Кибрик А.Е. Сепир и современное языкознание // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
4. Макеева Л. Язык и реальность // Логос. – № 6 (57). – 2006. – С. 3 – 20.

5. Подолян І.Є. Ідея лінгвальної відносності в сучасному науковому контексті // Вісник КНЛУ. Серія: Філологія. – 2001. – Т. 4. – №2.
6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – М.: «Восток. Запад», 2006. – 448 с.
7. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2003. – С. 127 – 138.
8. Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2003. – С. 139 – 156.
9. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2003. – С. 157 – 201.
10. Уорф Б. Наука и языкознание // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ», – 2003. – С. 202 – 219.
11. Чесноков П.В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М., 1977. – С. 7– 62.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Наталя Кудрявцева – кандидат філософських наук, асистент кафедри теорії та практики перекладу Херсонського національного технічного університету.

Наукові інтереси: теорія перекладу, етнолінгвістика, філософія мови.

ПРОБЛЕМА ДЕФІНІЦІЇ ТА ПЕРЕКЛАДУ РЕАЛІЙ В ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ

Інна ЛІВИЦЬКА (Кіровоград, Україна)

Стаття присвячена теоретичному розгляду проблеми визначення реалій в художньому тексті та основним способам перекладу їх мовою реципієнта.

The article is devoted to the problems of the theoretical outline and of rendering the background elements of national and cultural information of the literary text.

Художній текст є надзвичайно складною структурою. Переклад художнього тексту передбачає не лише трансформацію однієї мови в іншу, але й „обмін двома культурами та двома соціумами, що включає обмін емоціями, асоціаціями та ідеями” [7: 11]. Перекладачеві необхідно звертати особливу увагу на культурно-соціальні цінності тексту, або як його називає А.Д.Райхштейн, на „національно-культурний аспект тексту” [8: 10-14] та намагатися передати його у перекладі. Цей аспект передбачає відтворення національно-специфічних елементів вихідного тексту, в якості одного з яких виступає *реалія* національної культури.

У перекладознавчих працях слово “реалія” вперше вжив відомий фахівець А.В. Федоров у своїй праці “О художественном переводе” (1941). Дослідженню реалій також присвячені роботи: “Перекладацька думка та перекладацька вигадка” (1954) О. Кундзіча, “Лексичні питання художньої прози” (1975) В.С. Віноградова, “Неперекладне у перекладі” (1980) С. Влахова та С. Флоріна, в яких глибоко та точно досліджено реалії. Дослідженню реалій присвячено праці О.Ф. Бурбака, Р.П. Зорівчак, А.В. Суперанської, Я.Й. Рецкера, В. Россельса, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера та інших.

Що стосується змісту поняття реалії, існує декілька визначень, тому що різні фахівці зараховують до реалій різне коло слів. Так, наприклад, Л.Н. Соболев вважає, що “реалія – це побутові і специфічні національні слова й звороти, що не мають еквівалентів у побуті, а отже, і в мовах інших народів” [11: 290]. С. Ковганюк вважає, що “реалії – це назви предметів і явищ матеріальної і духовної культури певного народу, які в перекладі залишаються незмінними.” [4: 106]. Вл. Россельс вважає, що “реалія – це предмет, поняття, явище, характерне для історії, культури, побуту і життя того чи іншого народу, країни, яке не зустрічається в інших народів” [10: 169]. С. Влахов і С. Флорин дають таке визначення: “реалії – це слова і словосполучення народної мови, які являють собою найменування предметів, понять, явищ, характерних для географічного середовища, культури, матеріального побуту або суспільно-історичних особливостей народу, нації, країни, племен і які, таким чином, постають носіями національного, місцевого або історичного колориту; точних відповідностей в інших мовах такі слова не мають, а отже, не можуть бути перекладені “на загальних підставах”, тому що вимагають особливого підходу” [2: 438].

Реалії, як поняття тлумачаться Р.П. Зорівчак, як „моно- та полілексемні одиниці, основне лексичне значення яких вміщає (в плані бінарного зіставлення) традиційно закріпленій за ними комплекс етнокультурної інформації, чужої для об’єктивної дійсності мови-сприймача” [4: 69]. Отже, реалії належать до безеквівалентної лексики, тож і мають розглядатися відповідно до особливостей останньої.

Однак зіставлення мовного складу іноземної та рідної мови з’ясує, що в іноземній мові поряд з мовними одиницями, що мають одиничні, або численні еквіваленти в перекладацькій мові, є такі лексичні і граматичні одиниці, для яких не існує прямих відповідників у мові